

Статья отозвана по инициативе автора по причине дублирования фрагментов статьи в нескольких изданиях. Дата отзыва: 26.09.2017 г.

К.В. Титов

«CONTRACT SOCIAL» ПО-БРЕЖНЕВСКИ. НОМЕНКЛАТУРА И ВЕРХОВНАЯ ВЛАСТЬ: РЕКОНСТРУКЦИЯ КОНТРАКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Статья посвящена обоснованию тезиса о том, что доклад М.А. Сулова на заседании Пленума ЦК КПСС от 14 октября 1964 г. фактически представлял собой проект политического контракта между номенклатурой, как претендентом на роль правящего класса и претендентом на верховную власть. По оценке автора, заключение данного контракта стало вторым после XX съезда КПСС шагом к превращению номенклатуры в «правлящую элиту», что привело к стагнации, подорвало основы советского режима и, в конечном счете, привело его к краху.

Автор этой работы уже имел возможность предложить заинтересованному научному сообществу рассмотреть отношения верховной власти и номенклатуры в контексте контрактных отношений. Первоначально это было сделано применительно к событиям 1956 года. Автор попытался интерпретировать доклад Н.С. Хрущева «О культуре личности и его последствиях» как текст контракта, предложенного номенклатуре верховной властью (вернее, одним из претендентов на нее).

После того, как эта попытка удалась (по крайней мере, по мнению автора), возник вопрос: нельзя ли рассмотреть отношения верховной власти и номенклатуры в контексте контрактных отношений на протяжении всей советской (и, быть может, постсоветской) истории.

В качестве исходных гипотез были сформулированы следующие положения.

Можно предположить, что контрактные отношения были встроены в систему верховная власть–номенклатура изначально, в ходе самого генезиса новой политической системы.

Форму своеобразного «коллективного договора» эти контрактные отношения приобрели в ходе внутрипартийных дискуссий 1923–1929 годов, когда условия контракта были «озвучены», в том числе на партийных форумах и приобрели публичный характер.

¹ См.: Титов К.В. *Contract social по-хрущевски: доклад «О культуре личности и его последствиях» как договор верховной власти с номенклатурой* // ПолИс. 2005. №5. С. 132–141; Титов К.В. «Contract social» по-сталински: номенклатура и верховная власть в 1923–1953 гг. // Номенклатура и общество в России и Украине: материалы интернет-конф., Пермь, 15 апреля – 15 июня 2008 г. Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2009. С. 107–121.

В этом случае события 1934–1939 годов можно трактовать как факт одностороннего разрыва контракта по инициативе верховной власти.

События 1956–1957 и 1964 годов – как своеобразный «номенклатурный реванш», т.е. возобновление контрактных отношений, когда очередной претендент на верховную власть принял на себя ряд обязательств перед номенклатурой в обмен на ее политическую поддержку.

Горбачевская «перестройка» в этом контексте предстанет как вторая попытка разрыва контракта или, как минимум, пересмотра его условий в пользу верховной власти. Здесь имеется в виду признание «бюрократии» (т.е. номенклатуры) основой «механизма торможения» и начало борьбы с ней при опоре на «демократическую общественность» через введение альтернативных выборов и перемещение носителя верховной власти из кресла Генерального секретаря партии, зависимого, как показал опыт Н.С. Хрущева, от воли партийных форумов, в кресло Президента СССР, избранного органом, выведенным в значительной степени из-под контроля номенклатуры.

Период 1990-х годов (период «номенклатурной приватизации») можно интерпретировать как очередной проигрыш верховной власти, а политику «укрепления властной вертикали» и борьбы с олигархами периода 2000-х – как очередную попытку пересмотра условий договора в пользу верховной власти.

Такова, вкратце, общая гипотеза, общая композиция картины.

Обоснование этой гипотезы, прорисовка деталей требует ответов на ряд вопросов, и первый из них можно сформулировать так: «Какие события можно гипотетически интерпретировать как заключение контракта или, по крайней мере, его экспликацию (выход наружу, проявление для внешнего наблюдателя) и по каким источникам этот феномен можно зафиксировать?»

События, в результате которых происходило заключение (перезаключение) контракта, это события, происходившие в моменты разрыва «политической повседневности», когда старые властные практики технологии в силу определенных причин переставали действовать и субъекты политической жизни оказывались перед лицом необходимости (и получали возможность!) пересмотреть традиционную схему отношений.

В качестве источника, на основании которого можно будет подтвердить гипотезу о договорных отношениях между верховной властью и номенклатурой, вновь будут выступать материалы докладов на различных партийных форумах, где были наиболее полно представлены обе договаривающиеся (предположительно) стороны. Кроме того, нас будут интересовать материалы только тех съездов, конференций и заседаний, которые работали в моменты кризиса власти, когда верховная власть имела необходимость заручиться поддержкой номенклатуры, разумеется, на определенных условиях.

Ограниченность этого типа источников очевидна: с его помощью контрактные отношения эксплицируются только в тот момент, когда приобретают публичную форму своеобразного «коллективного договора». Однако источник имеет и очевидные плюсы для автора: он доступен и поддается анализу при помощи простой и уже испытанной автором методики, о которой будет сказано ниже.

На этих основаниях автор продолжил исследование, остановившись на анализе внутривнутрипартийных дискуссий 1923–1927 годов и сконцентрировав внимание на первом ее раунде – борьбе между «тройкой», с одной стороны, и группой Л.Д. Троцкого, с другой. В результате реконструкции статьи контракта были сформулированы следующим образом²:

1. Номенклатура вручает верховную власть в партии и государстве членам «тройки» и легитимизирует эту власть авторитетом партийного форума.

2. Верховная власть, со своей стороны, подтверждает и обязуется подтверждать впредь «партийную, революционную легитимность» самой номенклатуры. Номенклатура получает иммунитет от обвинений в перерождении в некую особую, противопоставленную пролетарской партии бюрократическую группу, за ней закрепляется руководящая роль и статус «ядра партии».

3. Носители верховной власти определяют свой статус в партийной иерархии только как «первые среди равных». Они обязуются играть по общим правилам, ограничивая себя выполнением «единогласно принятых решений». Верховная власть обязуется не игнорировать (тем более «грубо») волю партии, в том числе и в лице руководства местных организаций.

4. Верховная власть отказывается от права покушаться на номенклатуру: «изгонять, громить, разрушать» аппарат и кадры.

5. Верховная власть обязуется не допускать никаких «кадровых революций», а именно вторжения молодежи и интеллигенции.

6. Стороны взаимно обязуются сохранять единство партии: верховная власть охраняет групповые интересы «своей команды» от посягательств чужаков, а номенклатура хранит верность своим вождям.

Обращает на себя внимание тот факт, что основные статьи этого контракта были по существу лишь повторены в договоре 1956–1957 годов, когда произошла своеобразная реставрация договорных отношений, после того как контракт 1920-х был разорван Сталиным в середине 1930-х.

Анализ причины этого разрыва оставим пока в стороне, ограничившись констатацией того, что, вспомнив реконструированные статьи контракта, следует признать, что верховная власть нарушила их все, за исключением признания легитимности партаппарата как института власти (но не конкретных функционе-

² См.: Титов К.В. «Contract social» по-сталински... С. 120–121.

ров). Кадровая революция («Смелее выдвигать молодые кадры!»), чистки, неимоверное возвышение верховной власти и превращение номенклатуры из элиты в простых «подручников», – все это стало реальностью³.

Но вернемся к контракту и его дальнейшей судьбе.

Ситуация (расстановка сил) изменилась после смерти вождя. На уровне верховной власти образовался вакуум, вновь появились претенденты, и вновь их победа зависела от поддержки номенклатуры. Условия нового контракта были предложены в 1956 году и подтверждены в 1957-м. В результате «высокие договаривающиеся стороны» обменялись статусами. Никита Сергеевич утвердился в позиции носителя верховной власти, а верхушка номенклатуры, получив некоторый доступ к власти и гарантии от репрессий, вновь обрела некоторые (далеко не все!) атрибуты «правлящего класса». Эти события можно считать первым этапом номенклатурного реванша.

Второй этап начался в 1964 году, когда контракт был дополнен рядом новых принципиально важных «статей». Анализ этого «дополнительного соглашения» вызывает ряд трудностей с точки зрения характера источников. Дело в том, что его заключение носило не совсем публичный характер. В первых двух рассмотренных нами случаях (особенно на XX съезде КПСС) верховная власть делала номенклатуре предложение, сама выступала с декларациями. Эти декларации и выбраны в качестве основного источника. В 1964 году инициатива принадлежала (самой) номенклатуре, которая выработала консолидированную позицию не нуждаясь «в публичном жанре». Декларации, однако, имели место быть. И в этих текстах содержатся данные, позволяющие интерпретировать события 1964 года как развитие контрактных отношений, выявив ряд новых условий, навязанных номенклатурой верховной власти.

В качестве ключевого текста, предположительно отразившего в наиболее полной форме новые статьи договора, следует принять «Протокол № 9 Заседания Пленума ЦК КПСС от 14 октября 1964 г.»⁴, содержащий выступление М.А. Суслова. Текст этого документа несколько отличается от текста неправоленной стенограммы заседания⁵. Он был заметно отредактирован и официально разослан всем членам и кандидатам в члены ЦК КПСС, первым секретарям промышленных и сельских крайкомов и обкомов партии, отдела ЦК КПСС⁶. Обычно историка более интересуют невыверенные стено-

³ Разгром оппозиций и монополия команды Сталина обернулась катастрофой для самой этой команды. «Великая чистка» не могла быть начата, если бы существовал другой, кроме Сталина, центр власти. В этом случае номенклатура могла бы «переметнуться» и «свалить» Сталина, поднявшего руку на партийных начальников. Таким образом, можно прийти к парадоксальному выводу, что долгосрочные интересы сталинской номенклатуры требовали от нее сохранить своих противников – клиентулу Троцкого, а позже – Зиновьева и др., т.е. сохранить «многополярность» верховной власти, сохранить оппозицию и, следовательно, в своих собственных интересах сохранить постоянную угрозу своему существованию.

⁴ См.: Никита Хрущев. 1964. Стенограммы пленумов ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД: Материк, 2007. С. 239–252.

⁵ Там же. С. 232–239.

⁶ Там же. С. 475.

граммы, но в нашем случае как раз интересен «чистовой вариант», предложенный номенклатурной публике.

Итак, выступление М.А. Суслова на октябрьском пленуме выполнено в жанре «обвинительной речи» и имеет очень жесткую структуру: указывается на фигуру обвиняемого (условно назовем его «агрессор»), на его действия и круг пострадавших от этих действий, которых условно назовем «жертвами». Никаких посторонних сюжетов в выступлении нет. Теперь необходимо зафиксировать конкретные термины (индикаторы), в которых описываются все «действия агрессора» (например: «грубо навязывал», «нарушал» и т.п.) и все жертвы этих действий. Зафиксированные понятия можно объединить в более крупные «категории»⁷.

Поскольку оратор решительно осуждает подобную практику, то его доклад вполне мог быть воспринят как обещание «так не делать» и, следовательно, по закону исключенного третьего, «делать наоборот», т.е. «грубо не навязывать», «не пытаться сосредоточить в своих руках...» и т.п. Таким образом можно реконструировать конкретные статьи соглашения.

Если будет установлено, что круг «жертв действий агрессора», на которых указывал оратор, ограничивается, по сути, только номенклатурным сообществом, то, следовательно, обещания были адресованы именно этому сообществу.

Теперь, когда метод описан, обратимся непосредственно к анализу выступления М.А. Суслова на октябрьском (1964) Пленуме. Текст выступления можно разделить на три части, содержащие, соответственно, три линии обвинения. Первая часть посвящена «нарушениям ленинских норм партийного руководства» со стороны Н.С. Хрущева (44,6 % всего объема текста). Вторая – «бесконечным реорганизациям» в области управления, в том числе и партийного, а также управления сельским хозяйством и промышленностью (42,2 % объема текста). Третья – ошибкам внешнеполитическим (13,2 %).

Первый фрагмент текста практически дословно воспроизводит обвинения, которые в свое время сам Хрущев в 1956 году адресовал Сталину, а Сталин, в свое время, – Троцкому. Анализируя активную лексику выступающего, можно заключить, что Хрущев «грубо нарушал» все тот же принцип коллективного руководства, «ленинское требование подчинения воли одного партийного руководителя воле коллектива руководителей». Он, «сосредоточив в своих руках...», «перестал считаться», «стремился выйти из-под контроля»,

⁷ Кратко описанный здесь метод является упрощенной и адаптированной формой методики, изложенной в: Кобринский А.Л. Проблемы государственного строительства в Российской Федерации (по материалам стенограмм пленарных заседаний Государственной думы 1993–1995 гг.). М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 10–12; Ковальченко И.Д., Бородкин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М., 1987. С. 12–14.

«грубо навязывал» и т.п. Всего пункт о нарушении коллективного руководства и умалении роли коллегиальных органов в том или ином виде фигурирует 25 раз (см. табл. 1).

Таблица 1

«Действия агрессора»: монополизация власти⁸

Категория	Термины
Нарушение принципа коллективного руководства (25) ⁹	Сосредоточив в своих руках посты
	Стремился монополизировать руководство сельским хозяйством
	Крупные вопросы он решал единолично
	Начал стремиться к единоличному решению важнейших вопросов
	Грубо навязывал свою субъективистскую... точку зрения
	Грубо нарушать(3)¹⁰ : <i>ленинские нормы партийного руководства, ленинские нормы партийной жизни, требования подчинения воли одного партийного руководителя воле коллектива руководителей, принципы коллективного руководства в Президиуме</i>
	Начал пренебрегать мнением коллектива руководителей партии и правительства
	Вследствие неправильного поведения Президиум ЦК все меньше становился органом коллективного творческого обсуждения
	Коллективное руководство практически становилось невозможным
	Игнорировал Президиум и ЦК КПСС
	Нежелание считаться с мнением других товарищей
	Нежелание учитывать практический опыт партии и народа
	Уйти из-под контроля (2) Президиума и ЦК КПСС, не считаться с ними
	Недопустимое самовольство
	Не проводилось настоящих <i>Млечунов ЦК</i>
Попытки создания купца личности (27)	Парадные (2) совещания
	Большой вред в работе Президиума и ЦК...
	<i>Члены Президиума были фактически лишены возможности выезжать на места. Стремился к тому, чтобы никакой связи, помимо него, с местами никто не имел</i>
	Возомнил себя непогрешимым
	Присвоил себе монопольное право на истину
	Заболев своего рода манией величия
	Достижения <i>партии и народа</i> , результаты победы ленинского курса... присваивать себе . Все ошибки с недостатками сваливать на партийные и советские органы республик, обкомы, райкомы, или на тех или иных руководящих работников
	Возомнил, что ему все позволено
Парадная шумиха	
Терял чувство скромности , которое так необходимо руководителю ленинского типа	
Бесцеремонно способствовал восхвалению (3) своей личности	

⁸ Жирным шрифтом выделены термины, характеризующие действия Хрущева («действия агрессора»), курсивом – для некоторых случаев указан объект действий («жертвы»). Состав пострадавших («жертв») будет особо проанализирован далее (см. табл. 2).

⁹ В скобках указано количество терминов, вошедших в категорию.

¹⁰ В скобках указано, сколько раз термин повторяется в тексте.

¹¹ Докладчик имел в виду то, что придание парадности лишало коллегиальные органы способности влиять на принятие решений.

Категория	Термины
	Стремление выдвинуть свой культ личности
	Растерял качества руководителя ленинского типа
	Грубые политические ошибки
	Предвзятость и пристрастность в суждениях
	Крайняя грубость и нелояльность, капризность и обидчивость
	Озлобленность и способность... пренебрежительно швыряться обвинениями (2)
	Чрезмерная хвастливость и самоуверенность
	Самохвальство и зазнайство
	Невежество
Упрямство	

Кроме того, как и Сталин (да и в какой-то степени Тройский), Хрущев начал создавать культ своей личности. Он «возмнил себя», «присвоил себе», «бесцеремонно способствовал восхвалению своей личности», а также проявил упрямство, крайнюю грубость и капризность. Подобные обвинения встречаются 27 раз (см. табл. 1).

Несмотря на традиционность этих обвинений, в тексте заметны и новации. Стоит отметить, что в отличие от критики в адрес Сталина и Троцкого здесь уже звучат уничижительные термины «зазнайство», «хвастовство», «интриганство» и пр.

Кроме того, теперь в качестве «жертвы» (табл. 2) фигурирует не только партийное руководство («коллектив» от ЦК до «товарищей с мест»). Упоминание партийных органов встречается в тесной связке с советскими («партийные и советские»), что, вероятно, свидетельствует об изменениях в структуре самой номенклатуры. Кроме того, в отличие от доклада Хрущева на XX съезде здесь в качестве «пострадавших» совершенно не упоминаются военные, хотя, как известно, в этом отношении было что сказать.

Таблица 2

«Жертвы агрессии» / «приглашенные к власти»

Категория	Термины
Номенклатура (34)	Ленинские нормы партийного руководства (2)
	Президиум (8), члены Президиума (5), товарищи (2)
	ЦК КПСС (4), члены ЦК
	Пленум ЦК (4), члены Пленума
	Коллектив (2), коллектив руководителей партии и правительства, коллектив руководителей
	Руководящие работники
	Партийные и советские органы республик, обкомы, райкомы
	Партия (2)
Народ ¹² (2)	Народ (2)

¹² В обоих случаях употребляется в сочетании: «партия и народ».

И, наконец, «коллектив руководителей» выступает не только как «жертва», но и как активный защитник, способный оказать сопротивление узурпатору. Характерны в этом отношении упоминание о «единодушном сопротивлении членов Президиума» и формулировки «начал терять», «стремился присвоить» и т.п., говорящие о том, что «коллектив руководителей» в отличие от случая со Сталиным на этот раз вовремя пресек опасную тенденцию.

Однако, несмотря на эти новеллы, можно сказать, что М.А. Суслов еще раз подтвердил верность тем статьям договора, которые были приняты ранее (но не выполнялись) верховной властью: не решать все «сам-третей у постели», но «думати с бояры». Этот эпизод обвинения занимает менее половины (44,6 %) всего объема текста выступления.

Настоящим новшеством, серьезным дополнением к договору необходимо считать условия, сформулированные выступающим во второй части текста, занимающей 42,2 %. Вся она посвящена такой угрозе, как «бесконечные реорганизации», которые «буквально задергали всех наших работников сверху донизу» (табл. 3). Помимо «бесконечных реорганизаций» необходимо выделить особое обвинение, описанное такими выражениями как: «шарахался из одной крайности в другую» «авантюристический эксперимент», «стал навязывать, не считаясь ни с кем и ни с чем», «вдруг делает заявления...», «потом дает команду...» и пр. Описание этих действий сопровождается такими определениями, как «бесконечные», «многочисленные», «навязанные» и т.п., Последствия же «реорганизаций и перестроек» описаны в таких терминах, как «бедствие», «задергали», «дезорганизовали», «посягли... чувство неуверенности» и т.п.

Таблица 3

Действия агрессора: «волюнтаризм»

Категория	Термины
«Шараханья» (23)	Административное увлечение
	Неосмысленная торопливость (3) , спешка, попытки рубить с плеча
	Необдуманность , различные непродуманные меры
	Некомпетентное вмешательство
	Нежелание учитывать практический опыт ¹³
	Шарахался из одной крайности в другую
	Увлечшись... стал навязывать, не считаясь ни с кем и ни с чем
	Брошена директива
	Вдруг он делает заявления
	Потом дает команду
	То пропагандирует
	Затем рекомендует
	Выдвинул предложение

¹³ Эта фраза есть и в табл. 1, и в табл. 3, так как она имеет 2 акцента. Первый акцент – противопоставление Хрущева «партии и народу». В этом смысле данная фраза была учтена в табл. 1. В данную же таблицу фраза попала благодаря второму акценту, сделанному на практический опыт, которым «волюнтаристически» пренебрегал Хрущев.

Категория	Термины
	Внезапно, без серьезного обсуждения , фактически единолично
	Не руководство, а настоящая карусель
	Авантюристический эксперимент
	Многочисленные записки
Реорганизации (11): реорганизации (4), перестройки (5), реконструкции (2)	Бесконечные, навязанные, под нажимом, многочисленные (2), всевозможные, страдающая зудом, необдуманные, бедствие (3)
Дезорганизация (8)	Буквально задержали (2) <i>всех наших работников (людей) сверху донизу</i> Дезорганизовали <i>местные партийные организации, посеяли среди них чувство неуверенности</i> (2) и растерянность (2) Внесена большая сумятица в вопрос о перспективном <i>плане научно-технического развития страны</i> Невероятное переплетение, смешение функций, прав и обязанностей <i>партийных, государственных, и хозяйственных органов, параллелизм</i> в их работе
Покушение на институты (10)	Подверг недопустимой атаке <i>местные партийные органы</i> Отстранения <i>партийных организаций</i> Всеяческого принижения <i>партийных органов</i> Ликвидация <i>производственных и территориальных управлений</i> Резкое принижение <i>роли Советов</i> (6) Искусственно разделили Провести своеобразную военизацию <i>партийных органов</i> Разгром, ликвидация, разогнать (<i>Тимирязевская академия, Академия наук</i>)

Кто же являлся жертвой подобных действий? Анализируемый фрагмент делится на 3 части, посвященные соответственно реорганизациям в сельском хозяйстве (особо выделена проблема реорганизаций партийных органов), в промышленности и партии (разделению промышленных и сельскохозяйственных обкомов). Формально «жертвой» всех этих перестроек выступает не только партия, но и сельское хозяйство, промышленность и т.п. Однако частота упоминания этих терминов далеко уступает таким категориям пострадавших, как «все наши работники», «местные партийные органы» и пр., которые можно объединить в категорию «номенклатура» (табл. 4).

Несмотря на особый акцент, сделанный докладчиком на том, что именно партийное руководство пострадало в ходе реорганизаций, все же здесь впервые на первый план выдвигается также хозяйственная и советская номенклатура («Госплан», «местные советские органы», «предприятия», «совнархозы», «государственные комитеты» и пр.). Сам выступающий объединяет все эти термины в категорию «все наши работники», что опять же свидетельствует об изменениях в структуре номенклатуры. Кроме того, следует обратить внимание на то, что если в вопросе о власти от действий Хрущева пострадали высшие слои номенклатуры (Пленум, ЦК и пр.), то от его «шараханий» и реорганизаций пострадали в первую очередь «товарищи с мест».

Жертвы агрессора: кому гарантировалось спокойствие?

Укрупненная категория	Категория	Термины
Номенклатура (29)	Советская номенклатура (9)	Советы (6), государственные органы, областные и краевые государственные органы, местные советские органы
	Партийная номенклатура (10)	Партийные органы (3), партийные организации (3), областные и краевые партийные органы, местные партийные органы/организации (2), партийные комитеты производственных управлений
	Хозяйственная номенклатура (8)	Хозяйственные органы, Госплан, Госпланы предприятия, Совнархозы (2), государственные комитеты, руководство государственных комитетов
	Номенклатура республиканского уровня (1)	Представители республик
	Номенклатура в целом (1)	Все наши работники сверху донизу
Экономика (9)	Экономика (9)	Наука, Тимирязевская академия, Академия наук, производство, технический прогресс, промышленности, сельское хозяйство (2)

Итак, теперь попытаемся реконструировать дополнительные статьи контракта, внесенные в договор верховная власть–номенклатура в 1964 году.

Таким образом, во-первых, в результате «шакта 1964 года» номенклатура оказалась в состоянии вырвать из рук верховной власти последнее после репрессий орудие – кадровые и организационные перетряски, которыми сопровождалась хрущевские реорганизации. Показательно, что сразу же после отстранения Хрущева были внесены изменения в устав партии, когда «ротация» была отменена безотносительно ко всяким реорганизациям. Хрущевские кадровые и организационные перетряски являлись в руках верховной власти серьезным инструментом контроля ситуации, ибо препятствовали складыванию «непрозрачных» региональных и отраслевых номенклатурных кланов. Как только таковые кланы стали реальностью, верховной власти не оставалось ничего, кроме как договариваться с ними в рамках так называемого «бюрократического рынка»¹⁴.

Во-вторых, в 1964 году верховная власть официально покаялась в своем «волонтаризме» (термин ввел в оборот сам Л.И. Брежнев¹⁵). Это имело важнейшее значение, ибо под понятие «волонтаризм» попадала любая попытка

¹⁴ См.: Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма. Погружение в трясину. М., 1991.

¹⁵ См.: Вступительное слово Л.И. Брежнева на октябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК КПСС // Никита Хрущев. 1964... С. 252.

поставить перед номенклатурой сколько-нибудь серьезную задачу. Так, сам М.А. Суслов на Пленуме, не упоминая самого термина «волюнтаризм», все же расшифровал его, когда обещал, что теперь верховная власть будет действовать «разумно... на основе глубокого изучения существа дела, советуясь с вами, с местными партийными, советскими органами и работниками народного хозяйства»¹⁶. Зная в общих чертах, каковы были интересы и модели поведения номенклатуры, можно утверждать, что такой порядок принятия решений мог привести только к одному, а именно отсутствию решений.

Кроме того, вернувшись к анализу данных табл. 3, следует обратить внимание на то, что в описании «действий агрессора» преобладают термины, условно объединенные в категорию «шараханья». При этом стоит обратить внимание на то, что, говоря о «шараханьях», докладчик каждый раз имел в виду «директивы», «команды», «решения», «предложения», «меры», т.е. некие призывы к действию. Можно предположить, что на самом деле раздражение вызывало само принуждение к действию, а не его непоследовательный характер.

Таким образом, верховная власть не только лишилась всех инструментов, с помощью которых могла сподвигнуть своих «служивых людей» на решение сверхзадач, но и согласилась не выдвигать таковых в принципе. А ведь еще совсем недавно не было «таких крепостей, которые не могли бы взять большевики!»

Таким образом, можно заключить, что в 1964 году контракт был дополнен пунктами, гарантировавшими номенклатуре организационную и кадровую стабильность, а также отказ от постановки каких бы то ни было задач, без предварительного согласия самой номенклатуры.

При таких условиях уже можно считать номенклатуру элитой (политически самостоятельным правящим классом), правда, с известными оговорками¹⁷. В определенном смысле, в отношении брежневской номенклатуры можно провести аналогию с «золотым веком дворянства периода просвещенного абсолютизма»: и в том и в другом случае «служилый класс» превращается в правящий¹⁸.

Одновременно, превращение номенклатуры в элиту означало ее гибель (так сказать «на взлете»), а в перспективе – и гибель самого режима. Ведь если признать, что номенклатура была становым хребтом режима и вместе с тем главным инициатором прекращения репрессий и кадровых перетрясок, а прекращение

¹⁶ Никита Хрущев. 1964... С. 247.

¹⁷ Вопрос о возможности употребления термина «элита» по отношению к номенклатуре остается открытым, пока в научных кругах окончательно не достигнута конвенция относительно того, может ли термин «элита» быть использован только в отношении современного/индустриального общества, и если да, то являлся ли таковым Советский Союз в рассматриваемый период.

¹⁸ Об определенной цикличности в развитии отношений между верховной властью и элитой в России см.: Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006.

репрессий и кадровых перетрясок явилось ключевой причиной стагнации, приведшей к крушению советской системы, то в качестве вывода этого «силлогизма» мы получим следующее суждение: «номенклатура как основа режима и предопределила его крах, а вместе с ним и свой собственный».

Правда, этот вывод прозвучит менее пессимистично, если учесть факт «реинкарнации» погибшей элиты-номенклатуры в элиту-олигархию¹⁹. Однако исследование договорных отношений «элита – верховная власть» на очередных исторических изломах – с 1985 до 1990, с 1991 до 2000 и с 2000 до наших дней – тема отдельного исследования, а в отношении двух последних этапов скорее даже расследования, далеко выходящего за пределы академического жанра.

Все тексты, выступающие в качестве источников, выполнены в жанре «обвинительной речи», где указывается на фигуру обвиняемого («агрессора»), его действия и круг пострадавших «жертв».

Получено 12.11.2010

¹⁹ См.: Пастухов В.Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские». Полис. 1993. № 2.